

Михаил Лермонтов

ХАДЖИ АБРЕК

ПОЭМЫ

Москва, 2018

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л49

Лермонтов, М.

Л49 Хаджи Абрек / М. Лермонтов. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 146 с. – (Голоса).

ISBN 978-5-521-07399-3

Михаил Юрьевич Лермонтов – русский поэт XIX века, прозаик и драматург, классик художественной литературы, отличительными чертами которого стали нравственный максимализм и бескомпромиссность.

«Хаджи Абрек» – сборник удивительных поэм автора, в который включены поэмы: «Литвинка», «Моряк», «Олег», «Хаджи Абрек», «Аул Бастунджи», «Сашка» и «Монго». Лирический мир, полный подвигов и приключений, исканий и скитаний, свободы и независимости, надолго запомнится читателю и позволит услышать несмолкаемый Голос Вечности!

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-07399-3

© T8RUGRAM, 2018

ХАДЖИ АБРЕК

ЛИТВИНКА

I

Чей старый терем на горе крутой
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью своей?
Кто темным сводам поверять привык
Молитвы шепот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспаривать не смел
Еще никто, — он больше не хотел!

Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда.
Богатый в мире, славный на войне,
Когда к нему являлися оне —
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не знал;
Не потому ль, что слишком рано он
Повелевать толпе был приучен?

II

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.

Когда звучал удар его меча
И красная являлась епанча,
Бежал татарин и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была,
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

III

И, возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой,
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И, возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом,
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене.
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла —
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных наград?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

IV

Два дня прошло — и юная жена
Исчезла, и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решила с ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь — одна молитва будет там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвись и им дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! Но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и закон —
Все презирал для новой страсти он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких слов
Из хитрых уст, Арсений был готов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу — все в угодность ей!

V

Светило дня, краснея сквозь туман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит прощальный луч
Так сладостно, так тихо и светло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец

Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы той,
Где так недавно с радостью живой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена,
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копьё.

Теперь... где сын и мать? На месте их
Сидит литвинка, дочь степей чужих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...
И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив,
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! Там никто бы ей
Не смел сказать: хочу любви твоей!..

VI

Она должна с покорностью немой
Любить того, кто грозною войной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных слов

Затверживать и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучий вздох и влажный пламень глаз;
Она должна... Но мщенью будет час!

VII

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И, веря той улыбке, восхищен
Арсений, и литвинку обнял он, —

И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный войной.
Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара говорит:
«Ты любишь ли меня?» — «Какой вопрос? —
Воскликнул он. — Кто ж больше перенес
И для тебя так много погубил,

Как я? — и твой Арсений не любил?
И, — человек, — я б мог обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот — мой рай
У ног твоих! — и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадой дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей,
Суров и дик между других людей!
Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб — но лишь не раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

VIII

«О, если б точно ты любил меня! —
Сказала Клара, голову склоня. —
Я не жила бы в тереме твоём.
Ты говоришь: он мой! — а что мне в нём?
Богатством дивным, гордой высотой
Очам он мил, но сердцу он чужой.
Здесь в роще воды чистые текут —